

Глава 6

Мать Чэнь Юаньцина была более чем довольна, но Ду Юньтин пребывал в совершенном восторге.

Поселиться в доме господина Гу — о таком он не смел даже мечтать. Что же до статуса «племянника»... К чёрту формальности! Никакое родство не могло сравниться по значимости с возможностью жить под одной крышей с этим мужчиной.

Юньтин сгорал от нетерпения, едва сдерживая порыв немедленно броситься собирать вещи. Однако в присутствии женщины он не решался выказать свои истинные чувства и лишь преданно заглядывал ей в глаза, изображая покорность.

Тем временем мать Юньтина уже набирала номер Гу Ли. Даже на расстоянии Ду Юньтину казалось, что он чувствует тот самый едва уловимый, холодный и чистый аромат, исходящий от мужчины.

«Двадцать восемь, в мою жизнь вернулась надежда»

Системе 7777 хотелось не отвечать, а хорошенько встряхнуть своего хоста. Что это ещё за «надежда» такая?

[А как быть с Сяо Пиннанем?] — сухо поинтересовалась она.

«Слушай, семья Ду ведь довольно богата и влиятельна, верно?» — Юньтин неопределённо хмыкнул, в его голосе проскользнуло искреннее изумление.

[...]

7777 не понимала, к чему он клонит.

— Раньше у меня совсем не было денег, — медленно проговорил Второй молодой господин Ду.

Она замерла в нехорошем предчувствии.

— Но теперь-то я могу попросить их у кого угодно, — с воодушевлением продолжил он. — Как думаешь, если я просто найму человека, чтобы тот отсёк Пиннаню... корень проблем? Раз и навсегда. И руки марасть не придётся. Всё равно от этой штуковины обществу один только вред.

От подобных рассуждений у 7777 поползли мурашки по виртуальному телу. Её механический голос даже немного дрогнул:

[Товарищ хост, я — добропорядочная система. Мы живём в гармоничном социалистическом обществе]

Насилие в таких формах явно не приветствовалось.

— О? — Юньтин искренне удивился. — Но мне казалось, что я как раз забочусь о социальной гармонии.

[...]

«Какая уж тут гармония!» — подумала Система. Её электронный писк сорвался на высокой ноте:

[Мы не поддерживаем жестокость!]

«Даже косвенную...»

Система отрезала властно и сурово:

[Заказные убийства и увечья тоже запрещены!]

В голосе Ду Юньтина послышалось явное разочарование:

— Ну ладно. Придётся воспользоваться методами, которые дают результат не так быстро.

Он задумчиво потёр подбородок.

— Вообще-то, по моему первоначальному плану, я хотел вернуться к родителям, пожаловаться на него и нанять кого-нибудь, чтобы эти его «пару лянов» плоти превратили в фарш для пельменей и скормили ему же. Серьёзно, Двадцать восемь, если бы в тот момент уровень его раскаяния не пробил потолок, я бы взял твою фамилию.

7777 на мгновение представила эту картину и молча вычеркнула слово «пельмени» из своей базы данных. От одной мысли об этом её начинало подташнивать.

Поскольку радикальный план был отвергнут, Юньтин не стал переезжать немедленно. Он выждал две недели, якобы собирая вещи, а на деле — готовя почву для окончательного разрыва с Сяо Пиннанем.

Он отправил Пиннаню сообщение, в котором говорилось, что биологические родители нашли его и он готовится к переезду. Не прошло и часа, как мужчина уже стоял на пороге. Он

ворвался в комнату, даже не потрудившись сменить обувь, и, ни словом не обмолвившись о неоплаченном счёте за прошлый ужин, с тревогой спросил:

— А-Цин, ты действительно собираешься уехать?

Ду Юньтин сохранял невозмутимость:

— Я ещё не решил, стоит ли мне возвращаться к ним.

— Конечно, стоит! — горячо воскликнул Сяо Пиннань. — А-Цин, они бросили тебя на столько лет. Разумеется, они предложат тебе компенсацию, чтобы хоть немного заглушить голос совести.

Он сделал паузу и добавил с фальшивым сочувствием:

— Но ты должен понимать... Те, кто вырастил, дороже тех, кто родил. Вы не виделись целую вечность, и не факт, что они примут тебя искренне.

— Но они хотят, чтобы я вернулся, — возразил Юньтин.

— Вернулся? — Тот скептически покачал головой. — А-Цин, это не обычная семья. Там с детства учат финансам, программированию, игре на бирже и тонкостям высшего света. А ты...

Его взгляд пренебрежительно скользнул по юноше, словно по какой-то безнадёжной вещице.

— Как ты там адаптируешься? Их приглашение — простая вежливость. Никто из них на самом деле не захочет видеть тебя в своём кругу. Вы с ними — люди из разных миров.

Ду Юньтин хранил молчание. Мужчина, решив, что его аргументы подействовали, продолжил:

— Если ты окажешься там, тебя сожрут вместе с костями. И подумай об этом, А-Цин: если ты вернёшься, как мы сможем быть вместе? Разве твои родители когда-нибудь примут меня, мужчину?

Юноша поднял на него ясный, чистый взгляд:

— Я поговорю с ними. Постараюсь всё объяснить.

— И ты думаешь, это сработает? — Он горько усмехнулся. — Они никогда этого не примут. Поэтому, А-Цин, не возвращайся. Послушай меня, я желаю тебе только добра.

[...Какая наглость], — прокомментировала 7777.

Ду Юньтин был с ней полностью согласен.

Разумеется, Сяо Пиннань меньше всего хотел, чтобы Чэнь Юаньцина признали в семье Ду. Как только это произойдёт, родители непременно займутся окружением сына, и тогда ему не удастся избежать проверки. Его рано или поздно выведут на чистую воду.

Его уловки хватало, чтобы водить за нос наивного Юаньцина, но против прожжённых акул бизнеса они были бессильны. Если его сущность вскрыется, он не только потеряет «добычу», но и сам окажется под ударом. Куда выгоднее было заставить юношу выпросить крупную сумму и оставить его под своим полным контролем.

Юньтин видел его насквозь, но виду не подавал. Он лишь низко опустил голову, погрузившись в молчание. Собеседник решил, что дело сделано, и в его голове уже вовсю крутились цифры — сколько именно денег стоит потребовать от четы Ду.

— Если они предложат деньги — бери. Ты столько лет страдал, разве они не должны заплатить за это?

В оригинальной линии Чэнь Юаньцин отказался от денег. Он действительно таил обиду на родителей, к которой добавились наущения Пиннаня, лишившие его уверенности в себе. Однако он был слишком горд, чтобы брать деньги у людей, которых считал чужими, поэтому просто оборвал все связи. Ду Юньтину нравилась эта черта в Юаньцине — за внешней простотой скрывались четкие принципы.

На фоне своего предшественника этот бесконечно разглагольствующий манипулятор выглядел особенно отвратительно.

Сяо Пиннань тем временем уже нашёл оправдание странному поведению юноши в последние дни. Видимо, родители успели что-то наплетать сыну, раз обычно послушный парень стал так холоден.

— А-Цин, мы ведь вместе уже долгое время, — мягко произнёс он, садясь на стул и сплетая пальцы.

Юноша молчал. Собеседник продолжал:

— Ты должен доверять мне. Всё, что я делаю — ради нашего общего будущего.

«Ого, — восхитился Юньтин в разговоре с Системой. — Послушай только, он всерьёз верит, что у него есть будущее»

Какое поразительное отсутствие самокритичности.

Проводив Сяо Пиннаня до лестницы, Юньтин замер в тени. Тот обернулся, чтобы попрощаться, и попытался нежно взять его за руку:

— А-Цин...

Курсы PUA учили: после удара кнутом всегда нужно дать пряник, чтобы жертва не сорвалась с крючка. Юньтин ловко уклонился, но мужчина, не придав этому значения, продолжил:

— На самом деле, что бы ни думали о тебе твои родители, для меня ты всегда будешь особенным.

— Вот как?

В тёмном подъезде лица Юньтина почти не было видно, лишь тусклый свет падал на его острый подбородок.

— Но я ведь самый обычный, — негромко отозвался он.

Сяо Пиннань самодовольно улыбнулся:

— Да, обычный. Но раз уж я тебя люблю... одного этого достаточно, чтобы сделать тебя исключительным.

«...»

Ну и самомнение у этого человека.

Раздав порцию «сахара», Пиннань, довольный собой, удалился, не забыв наказать Ду Юньтину отправить сообщение перед сном. Тот послушно согласился и вскоре отправил кроткое сообщение:

[Я ложусь отдыхать, ты тоже спи крепко]

Спустя минуту пришёл ответ:

[Спокойной ночи]

Ду Юньтин взглянул на экран, иронично выгнул бровь и отшвырнул телефон на кровать. Затем

он принялся рыться в шкафу.

«Не спишь?» — бесстрастно поинтересовалась 7777.

— Какой сон? — Парень натянул чистую рубашку и весело свистнул. — Настоящая ночная жизнь только начинается.

Он вертелся перед зеркалом, поправляя воротник.

— Как лучше? Чтобы ворот был пошире или застегнуть под завязку?

7777 посмотрела на его вырез, который и так был готов к немедленной операции на открытом сердце, и выразила своё отношение:

[...Застегни]

Второй молодой господин Ду согласно кивнул.

«Понимаю. Все любят образ «маленького белого цветка»»

Он застегнул все пуговицы до самой шеи, маскируясь под чистый и непорочный цветок, едва распустившийся в мутной воде.

«Маленький белый цветок» сверился с адресом, который прислала мать, припрятал телефон и решительно провозгласил:

— Пошли. Пора оценить кровать, на которой мне предстоит спать бесчисленное количество раз.

И человека в ней.

Через полчаса Ду Юньтин уже сидел на корточках перед воротами виллы Гу Ли.

Дул холодный ночной ветер. Тот сжался в комочек в тени стены. На нём была лишь тонкая рубашка, и он заметно дрожал, а кончик его носа стал ярко-красным. Юноша шмыгнул носом и похлопал по карманам, но не нашёл ни единой салфетки.

«Двадцать восемь, — обратился он к Системе, — могу я одолжить салфетку в счёт будущих

заслуг?»

[Товарищ хост, хотя у нас и есть система обмена, баллы за задание начисляются только после его завершения]

— Так можно в долг? — не унимался Юньтин.

[...]

Трус Ду снова жалко шмыгнул носом, его рот приоткрылся, словно он собирался чихнуть. Выглядел он в этот момент донельзя несчастным. Спустя пару секунд в его руке чудесным образом появилась салфетка.

Юньтин бережно сжал её и с чувством произнёс:

— Двадцать восемь, ты — лучшая система в мире.

[Ещё пару дней назад ты сулил мне лысину], — напомнила она.

— Никакой лысины! У тебя наверняка роскошная шевелюра, чёрная как смоль.

Система почувствовала, что в этих словах тоже кроется какой-то подвох.

Высморкавшись, Трус Ду снова заговорил:

«Послушай, обладательница роскошной шевелюры, не одолжишь ли ты мне ещё и зеркальце? Или немного лосьона «Джонсонс Бейби»?»

[...]

«Перед выходом я намазался детским кремом, — Юньтин погладил свои руки и предплечья. — Но сейчас кожа уже не такая гладкая»

[...]

7777 была в недоумении. Зачем ему вообще понадобилась такая идеальная кожа в три часа ночи под чужим забором?

У Юньтина был железный аргумент:

«А вдруг господин Гу внезапно захочет меня коснуться?»

Благопристойную систему едва не закоротило.

В этот момент они наконец услышали шум двигателя. Гу Ли возвращался. Ду Юньтин мгновенно вошёл в роль, с силой потерев глаза кулаками, чтобы вызвать покраснение.

К воротам подкатил не привычный «Майбах», а величественный чёрный «Роллс-Ройс». Водитель поспешил открыть дверцу. Гу Ли сидел на заднем сиденье с ноутбуком на коленях, всё ещё погружённый в изучение документов.

— Господин Гу... — почтительно произнёс водитель.

Гу Ли потёр переносицу и закрыл ноутбук. Он поднял взгляд и увидел тень, отделившуюся от стены. Юноша с бледной, нежной кожей стоял перед ним, обхватив себя руками и мелко дрожа. Его глаза были красными, словно от недавних слёз.

— ...Дядя? — едва слышно прошептал он.

<http://bllate.org/book/15364/1372870>